

СОВРЕМЕННОКИ: ПОРТРЕТЫ И СУДЬБЫ

**Л
Ю
Б
А
Ш
А**

РОМАН РОМАНОВ

16+

Роман Романов
Любаша. Сольный концерт
для женского голоса

<https://litres.ru/54075553>

SelfPub; 2020

Аннотация

"Любаша" - рассказ-портрет, основанный на реальных событиях середины 1990-х годов, поэтому все имена изменены или обозначены инициалами. Сюжет построен на причудливых поворотах судьбы дальневосточной оперной певицы. Рассказ рассчитан на широкий круг читателей.

При оформлении обложки использована фотография, сделанная автором.

Содержание

1. «Испано-сюиза»	4
2. «Ты всегда хороша несравненно»	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

1. «Испано-сюиза»

*Ах, сегодня весна Боттичелли!
Вы во власти весеннего бриза,
Вас баюкает в мягкой качели
Голубая «испано-сюиза».
Вы царица экрана и моды,
Вы пушисты, светлы и нахальны.
Ваши платья надменно печальны,
Ваши жесты смелы от природы.*
(романс А. Вертинского)

Конечно же, она не сразу стала для меня просто Любой. Что вы! Когда я впервые увидел на сцене оперную диву с роскошной фамилией Коломиец-Кузнецова, мне и в голову не могло прийти, что когда-нибудь я буду общаться с этим звучноголосым божеством. Примадонна явила себя во всем своем царственном великолепии – в пышном зеленом платье до пят, с копной взбитых и залакированных темно-каштановых волос, – и ниспослала зрителям хорошо поставленную артистическую улыбку, выгодно обнажавшую ее резцы. Певица наверняка знала, что своей внешностью производит на людей ошеломляющее впечатление – она покоряла публику еще до того, как ее глотка исторгала первые мелизмы и стены концертного зала начинали сотрясаться от мощного вибрато.

Сразу же сделаю оговорку: в тот день концерт Кузнецовой проходил не на большой сцене филармонии, а в крошечном музыкальном салоне, где умещалось от силы человек сорок любителей высокого искусства. Певица снизошла до того, чтобы дать бесплатный концерт горстке людей, в числе которых находился и я.

Меня привел сюда мой учитель гитары А.Г.: в тот день ему выпала честь представлять публике залетную «звезду» – редкой, как он выразился, величины. (Коломиец-Кузнецова и впрямь оказалась тетенькой не самых малых габаритов: ее тела, прически, голоса было, прямо скажем, *многовато* для такого миниатюрного помещения.)

Пока А.Г. своим задушенно-душевым полусшепотом зачитывал публике факты из блистательной биографии певицы, сама она стояла у скромного пианино «Приморье», горделиво облокотившись на его полированную поверхность. Кузнецова посылала слушателям резиновый оскал, характерный для настоящих мастеров оперного искусства, и всем своим видом будто бы вопрошала: *ну, как я вам?*

Любовь Станиславовна и впрямь была достойна восхищения: родилась она где-то на западе, в глухой деревне, и уже с младенческих лет проявляла природное дарование – распевала с утра до ночи где только можно и кому ни попадя. Первым творческим критиком Любаши стала ее собственная бабка – женщина темная, а потому прямая и безыскусная в своих суждениях. По поводу внучкиного пения она выража-

лась так: «Спасу нет от этой бестии – воет, как сука на сеновале».

Суровое отношение бабушки к увлечению Любы не обескураживало последнюю, и девочка с поразительной настойчивостью развивала свой дар, используя малейшую возможность попеть на людях. Однажды Любашин одноклассник, которого она тихо боготворила и кому посвящала первые авторские песни, немилосердно заметил, что, наверное, Пушкин именно про нее написал свои бессмертные строки: «То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя».

По-настоящему вокальный талант Кузнецовой оценил руководитель школьного хора. Он заявил, что у девочки уникальный голос и его необходимо профессионально развивать. Разумеется, после таких слов перед Любой открывалась только одна дорога – в музыкальное училище. А потом она поступила в Ленинградскую консерваторию, где вокал ей преподавала ученица самой Елены Образцовой. Так что образование Люба получила ого-го какое...

Медленно, но неуклонно восходила звезда оперной певицы с поразительным голосом в три октавы, проникновенно читал надушенный маэстро. Потом, разумеется, были ведущие вокальные партии в лучших театрах страны; Кузнецова становилась то дипломантом, то лауреатом престижных фестивалей, а в данный момент, закончил свой рассказ А.Г., она – примадонна Биробиджанской филармонии, любимица публики и объект восхищения профессиональной критики.

После вступительной речи А.Г. уселся рядом со мной и потребовал, чтобы я перевел все, что он сказал, двум американцам, сидевшим по левую руку от меня. Он познакомился с этими иностранцами буквально за пятнадцать минут до концерта, но уже явно вознамеривался завязать с ними выгодную дружбу: это было так характерно для него. Пока я добросовестно переводил усатому Марку Батлеру и его другу биографическую справку певицы, она успела исполнить три романса.

С тех пор, как я в последний раз слышал Любин голос, прошло много лет, и я уже ничего не могу сказать о ее вокальной технике. Хотя бы потому, что в то время мое ухо еще совсем не было натренировано на тонкости «правильного» пения – я в этом ничегошеньки не понимал. Несколько лет спустя пианистка Елена Ф., в тот вечер аккомпанировавшая Кузнецовой, едко заметила, что выпускники консерватории поют совсем иначе. Хотя, уступчиво добавила она, даже в консерваториях ведь бывают плохие студенты, – возможно, Любовь Станиславовна была из их числа.

Словами же провинциального мальчика-дилетанта могу сказать, что это было грандиозно. Голос Любы звучал громко, ее внутренней энергии хватило бы на десяток томных певиц, что полумертвые поют сегодня с экранов телевизора. Артистизма Любаше было не занимать, а уж сценической смелости и самоуверенной подачи – подавно. Ураган – вот, пожалуй, точное слово, каким можно было описать пою-

щую Любовь Кузнецову. Если бы перед ней поставили художественную задачу проломить ребром ладони крышку фортепиано, расшвырять по сцене дюжину стульев и задавить в объятиях трех теноров-любовников одновременно, пышущая здоровьем артистка наверняка бы сделала это легко и виртуозно.

В тот вечер она по программе исполняла на английском языке знаменитую тему «Я могла бы протанцевать всю ночь» из мюзикла «My fair lady». Воспользовавшись случаем, Люба во время пения подхватила растерявшегося Марка Батлера и закружила его в мощном танце. Американец был явно не готов к Любиному экспромту, но его робкие попытки прекратить кружение на крошечном пяточке не могли противостоять напору певицы.

Позже выяснилось, что этот спонтанный порыв Кузнецовой был отрежиссирован заранее: тихушник А.Г. перед концертом подбил Любовь Станиславовну вытащить на сцену одного из иностранцев, чтобы потом со всей естественностью завязать с ними ни к чему не обязывающие отношения, которые – а почему бы и нет? – могли перерасти в ее гастролы за рубежом.

После выступления я пребывал в возвышенном эмоциональном состоянии, думая о том, каким счастьем было бы просто пять минут молча постоять рядом со «звездой», как вдруг А.Г. велел мне следовать за ним и провел, так сказать, за кулисы – в соседнюю комнату, послужившую Кузнецовой

гримуборной. Примадонна с комфортом сидела в концертном платье на рабочем столе библиотекарей, посреди картотечных ящичков, и, болтая ногами, что-то весело рассказывала американцам, а те, не понимая ни слова по-русски, лишь молчали и вежливо улыбались.

А.Г. представил меня певице как переводчика и предложил, не стесняясь, пользоваться моими профессиональными услугами.

– Отлично, молодой человек, – деловито подключила меня к разговору Люба. – Переведите им, пожалуйста, что мне ихняя Мадонна в подметки не годится, так что пусть не теряют время и становятся моими импресарио. Скажите им, если они еще сами не поняли, что перед ними «звезда» мировой величины.

Да, так сразу и заявила. Любовь Станиславовна не умела расставлять незаметные психологические капканчики и рыть замаскированные ямки на пути полезных людей, как это в совершенстве делал А.Г. Нет, Люба кидалась с места в карьер и незамедлительно требовала от человека то, что ей было нужно в данный момент. Делала это по-детски наивно и прямолинейно, чем нередко отпугивала людей: они шалели от подобного темперамента.

Сразу же после исторического заявления о том, что американская нация ошиблась в выборе всенародного кумира, бесхитростная Любовь Станиславовна пригласила иностранцев на чай с клубничным вареньем. В маленькой квар-

тирке, где она остановилась на время гастролей в Хабаровске, состоялась вторая, неофициальная часть представления. Артистка Кузнецова, переодетая в платье «леопардового» окраса, с заново покрашенным вызывающе-красным ртом, неустанно рассказывала о том, какая она талантливая, прерывая себя лишь затем, чтобы исполнить очередное музыкальное произведение, и не давала никому вставить ни единого слова.

Интернациональные посиделки закончились под оглушительные звуки арии Кармен, после которой Люба звучно расцеловала всех мужчин, оставив на их лицах смачные следы алой помады, и бесцеремонно выставила гостей за дверь: заявила, что у нее певческий режим и ей нужно незамедлительно ложиться спать.

На ноябрьском холодке прибалдевшие американцы немного пришли в себя, а А.Г. извиняющимся тоном объяснил, что он, дескать, не знал, какая невоспитанная и бестактная была на самом деле Любовь Станиславовна, иначе, конечно же, уберег бы таких культурных и тонких людей от общества этой *халды*.

В знак компенсации А.Г. предложил устроить вечеринку у себя дома – «с бутылочкой хорошего вина и спокойной гитарной музыкой». Друг Марка Батлера согласился на это при условии, что на его вечеринке разговаривающих будет больше одного человека. А.Г. долго потом смеялся над этой шуткой и даже включил ее в репертуар собственных острот.

2. «Ты всегда хороша несравненно»

*Ты всегда хороша несравненно,
Но когда я уныл и угрюм,
Оживляется так вдохновенно
Твой веселый, насмешливый ум.
Ты хохочешь так бойко и мило,
Так врагов моих глупых бранишь,
То, понутив головку уныло,
Так лукаво меня ты смешишь.*
(романс А. Дюбюка, сл. Н. Некрасова)

Со дня моей первой встречи с Любовью Станиславовной прошло полгода. В апреле А.Г. решил торжественно и пышно отметить свой юбилей – ему тогда исполнилось 43 года, но разве в этом суть? Он задумал устроить концерт в свою честь и пригласить все высшее общество Хабаровска в Дом кино. Меня А.Г. обязал оформить больше ста пригласительных открыток – на них я должен был начертать следующие изящные слова: «Моим искусством была жизнь. Я положил себя на музыку. Дни моей жизни – это мои сонаты. Я вложил весь свой гений в собственную жизнь, и лишь талант – в свои произведения». Как всегда у А.Г., получилось скромно и со вкусом.

Перед самым выступлением маэстро носился по зданию,

разъяренный на каких-то незваных гостей и *бездарных* официанток, которые без его помощи «не могли даже бутылку шампанского открыть». Весь на нерве, он велел мне следовать за ним в гримерку, чтобы уяснить детали нашего совместного выступления: мы приготовили двуязычный литературно-музыкальный экспромт по мотивам «Дориана Грея».

В комнате – о неожиданность, о радость! – я увидел Любовь Станиславовну Коломиец-Кузнецову: она нервно расхаживала по диагонали и явно пребывала не в настроении. На этот раз она была облачена в очень длинное, ярко-красное платье без намека на рукава и с глубоким вырезом. Наряд выгодно обнажал округлые, холеные плечи и руки певицы, а при желании можно было получить и некоторое представление о ее недурственной груди. В ушах у певицы сверкивали длинные и тяжелые по виду серьги причудливой конфигурации – их блеск, словно сталь меча, придавал облику «звезды» немалую долю воинственности. Я отметил, что быть не в духе очень шло Любе, это делало ее еще недоступнее для обычных смертных.

Едва мы вошли в гримерку, Кузнецова обрушилась на А.Г., не удостоив меня даже мимолетным взглядом, будто никогда и не видела.

– Если бы я знала, что мне устроят такой прием, ни за что бы не приехала! – без предисловий заорала Люба. – Я истратила последние деньги на поезд, а в результате получай, дорогая Любовь Станиславовна: ни встретить тебя толком не

могут, ни аккомпаниатора найти, про гонорар я уже вообще молчу!

– Люба, опомнись, какой гонорар? – театрально приподняв брови, тихо проговорил А.Г. – Это просто встреча друзей. А насчет сопровождения ты сама должна была позаботиться – по-моему, здесь каждый отвечает за себя сам.

– Господи, ради чего я сюда приперлась? – не унималась Кузнецова. – Оскорбления выслушивать? Можно подумать, у меня проблем мало, а денег – куры не клюют, чтобы без толку туда-сюда мотаться. Кажется, я вам говорила, драгоценный А.Г., что меня из филармонии подло уволили и я сижу без копейки в кармане. Я всегда знала, что дело именно так и кончится: там все жутко завидовали моему таланту. Да они просто зеленели, когда слышали про мои успехи! Змеи подколенные, вы бы их слышали – ах, Любочка, ах, солнышко, нам тебя так будет не хватать!.. В общем, А.Г., если хочешь, чтобы я сегодня пела, заплати-ка мне, милый друг, и желательно вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.